

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Набоков глазами «посторонней» | Nabokov vu par une «étrangere»

Автор: Жужа Хетени , [Будапешт](#) , 22.04.2022.

Сью Лайон - Лолита в одноименном фильме Стенли Кубрика, 1962 г.

Известный венгерский славист Жужа Хетени представляет свою книгу «Сдвиги. Узоры прозы Набокова», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, Boston-Санкт-Петербург в 2022 году.

|
Nabokov vu par une «étrangere»

Читателям этой авторецензии вряд ли что-то говорит мое имя, хотя в течение 13 лет я жила между Женевой и Будапештом с моим мужем Шимоном Маркишем*, вплоть до его смерти в 2003 году. Поэтому мне особенно дорога возможность рассказать о своей книге именно в «Нашей Газете».

Я родилась в Будапеште, венгерка, но моя [книга](#) – не перевод, я написала ее по-русски. В русский язык и культуру я влюбилась еще в 10 лет – через любовь к моим преподавателям, и Эрос их преподавания (в философском смысле) направил меня к

университетской карьере. Размышления об эротическом в литературе не оставляли меня. Они объединяют главы первого раздела моей книги, в которых я рассматриваю такие темы в творчестве Набокова, как либертинизм и мифопоэтика, а также рассуждаю об обвинении его романа «Лолита» в порнографии, доказывая, что в настоящем искусстве о ней говорить нельзя. Я считаю характерным для Набокова единство трех типов экстаза: телесной любви, близости смерти и чтения, и это единство я назвала эротекстом.

Первую в жизни книгу я написала о библейских мотивах в «Конармии» Исаака Бабеля в то время, когда не только он, но и Библия были еще наполовину запрещены, в годы застоя. Я сама не до конца понимала, чем он меня захватывает, ведь тема казалась мне далекой. Я хотела понять «механизм» его текстов, разобрать их на детали, как любознательный ребенок разбирает свою игрушку. Этот метод я старалась довести до того уровня, на котором я могу вновь собрать игрушку и показать, зачем я ее разобрала. При этом мне важно было не злоупотреблять научным жаргоном, чтобы книга была доступна широкому кругу читателей.

Эта страсть разбирать тексты на микроэлементы отражается в главах третьего раздела моей книги «Узоры прозы», где я разбираю даже слова до букв (вот откуда двуязычное написание фамилии Набокова в названии моей книги). Игра со словами, звуками и буквами была излюбленным занятием авангардистов, у которых Набоков заимствовал больше, чем думали до недавних пор. К глубинному проникновению в тексты располагает и моя профессия переводчика, к которой я пришла в молодости из желания «поделиться» запрещенными и любимыми писателями – так вышел мой перевод Булгакова в самиздате.

Двойная культурная принадлежность Бабеля, русская и еврейская, определила мой интерес к двуязычным писателям с «непрочной» идентичностью, к писателям со «сдвигами». Набоков – из тех редких авторов эмиграции, которые обратили потери в приобретения, а потерь было много, от пропавшего в России имущества до убитого в Берлине отца. Набоков сделал из этого вывод, что отклонение от нормы (и даже от нормальности) заслуживает особого внимания, что маргинальность – не ущербность, а возможность увидеть вещи посторонним взглядом, остраненно (по Б. Шкловскому) и отстраненно. Подобная дистанция от реалий, мне кажется, характеризует и абсурд Хармса, и косноязычие в изображении крушения идеалов А. Платоновым. Я убеждена, что отклонение от норм является основой искусства. Творческие сдвиги, нарушения автоматизмов, которые выбиты из привычной колеи, проявляются постоянно и во всем, в том числе и в сюжетах, в творчестве Набокова, и является важным элементом в его понимании жизни как таковой. Я увидела номадизм в его героях, понимая под этим уход от стандартного, даже бегство от него, и эти неожиданные жизненные ходы тоже связаны с бездомностью (у самого Набокова, никогда не жившего в своем доме, это сознательный выбор эмигранта). Этим сдвигам посвящены главы второго раздела книги, который называется «Через пороги».

В четвертом разделе, «Отражения», я «примеряю» Набокова к сходным феноменам в творчестве других писателей (Лермонтова, А. Белого, Пастернака, Шкловского или Хармса), в которых вижу не образцы или источники влияний, но родственные явления или концепции.

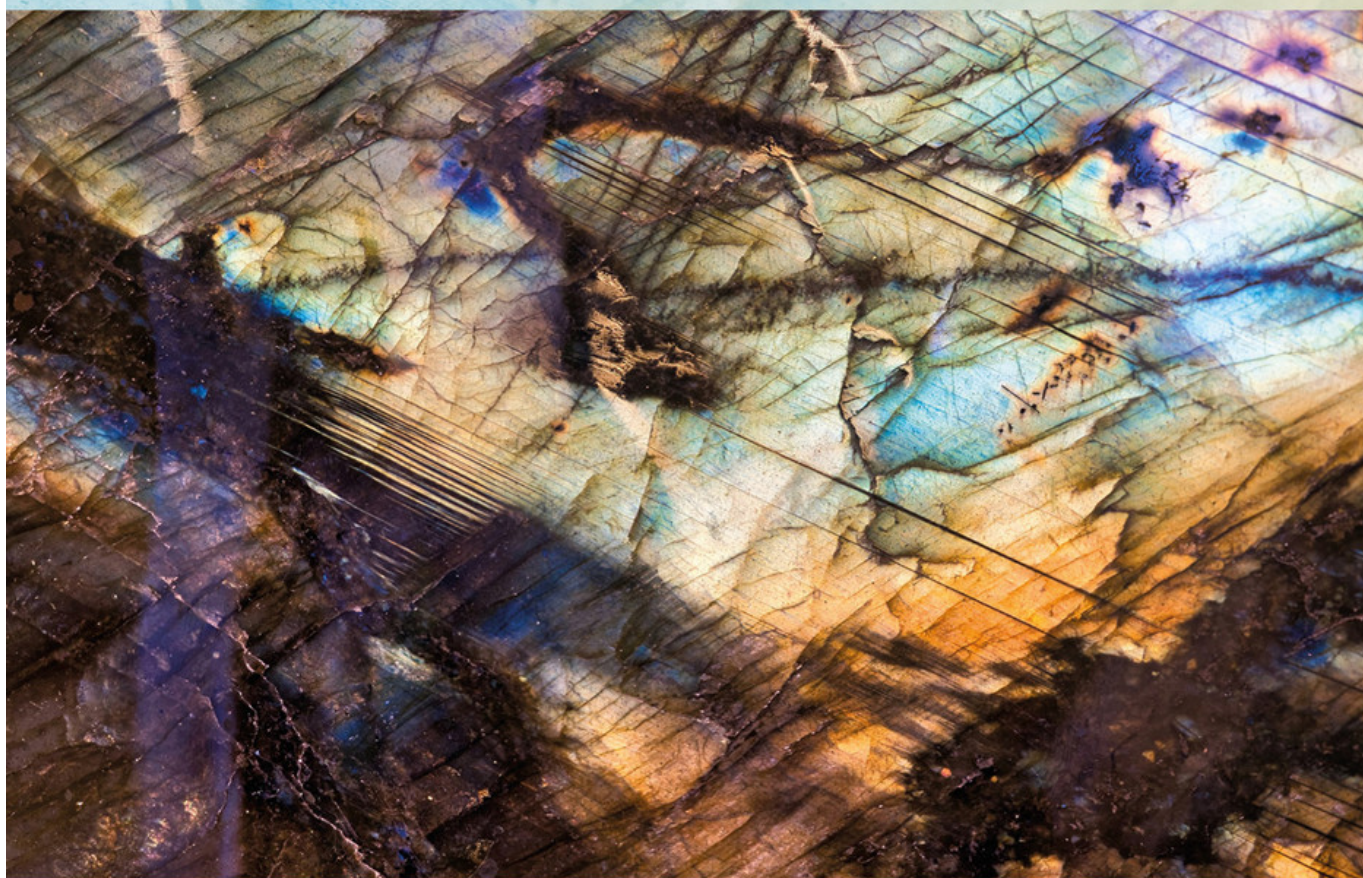

Жужа Хетени

.

СДВИГИ

Узоры прозы
Набокова

Современная западная русистика

Меня часто спрашивают, сколько времени уходит на написание книги. Ответ: лет

15–20, но Набоков не отпускает меня уже 25. В 2015 году у меня вышла 928-страничная монография о нем на венгерском языке, а в книгу, о которой идет речь, вошли 22 статьи из более семидесяти опубликованных мною на шести языках за 20 лет. Удивительно, как послушно и логически они выстроились в тематический ряд уже упомянутых четырех разделов.

Меня спрашивают также, почему Набоков. Потому, что он был долгое время неизвестен в Венгрии и до сих пор известен очень узкому кругу поклонников. Потому что его тексты бросают вызов – словно горные вершины, которые нелегко преодолеть. Для преодоления текстов Набокова требуются умственные силы, сообразительность, концентрация, многосторонние знания. Тексты Набокова воспитывают. Его образы, мышление и понимание мира настолько в меня впитались, что, если бы вдруг обнаружилась какая-то неизвестная его рукопись, я уверена, что могла бы предсказать ее тему, а мой подход стал бы подходящим ключом к разгадке.

Быть набоковедом в Венгрии – вызов особый. Научную литературу о нем библиотеки не заказывают. Для англистов он – русский, для славистов – американец. Благо, в 2017 году мы закончили венгерское издание полного собрания его прозы, я перевела с английского три его романа и восемь рассказов, несколько эссе. Несмотря на то, что меня подбадривало владение всеми тремя языками Набокова, венгру совсем непросто просить себе места в довольно закрытом обществе английских, русских и французских исследователей. Поэтому мне особенно приятно, что моя книга вышла на русском языке и стала доступной для огромной русскоязычной читательской публики, для моих коллег. Я надеюсь, что читателя, хотя бы из любопытства к некоей экзотике, заинтересует мой «посторонний взгляд», и он поверит, что он способен увидеть нечто новое.

Об авторе: Жужа Хетени (Hetényi Zsuzsa)

– литературовед, удостоена престижного приза

«Беллетрист» 2020 года, профессор кафедры русской литературы и русского языка Будапештского университета ELTE (Венгрия), доктор Венгерской Академии наук, эссеист, художественный переводчик.

**Шимон (Симон) Маркиш (1931-2003) – писатель, филолог-полиглот, литературный критик, публицист и переводчик, видный специалист по античной литературе и крупнейший исследователь русско-еврейской литературы. В 1974-1996 году служил профессором русского языка и литературы на кафедре славистики Женевского университета. В Женеве Маркиш выпустил на французском и русском языках книги «Эразм и еврейство», «Пример Василия Гроссмана», «Вас. Гроссман. На еврейские темы» и подготовил к печати (совместно с Е. Г. Эткингом) спасенный роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба».*

[Владимир Набоков](#)

Статьи по теме

[Архив Набокова уехал из Монтрё в Санкт-Петербург](#)

[«Ангельские стихи» Владимира Набокова](#)

[Владимир Набоков - история одного интервью](#)

[Владимир Набоков: встречи и невстречи в Монтре](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/nabokov-glazami-postoronney>